

Марк Довлатов

Любим
и делай,
что хочешь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марк Довлатов

Люби и делай, что хочешь. Секс-рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43683981

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9347-8

Аннотация

Есть ли «неправильная» любовь и запреты в сексе? Есть ли границы сексуальных фантазий? Может ли боль принести наслаждение? Если есть настоящая любовь – границ нет, есть только бесконечная дорога удовольствий. И то, что снится, становится реальностью. Так думает Майкл Д., а кто с ним не согласен, тому нужно поискать себе другую книжку. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Мать Тереза

7

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Секс-рассказы

*Мы были молоды
и попали в тенета
страшной всепоглощающей
физической любви.
(А.Мердок. «Дитя слова»)*

*Люби и делай, что хочешь
(Святой Августин)*

Мать Тереза

Михаил Дуридомов сидел на кухне, сёрбал кофе из бабушкиной кружки, курил и ходил по своему сайту. Электронные гаджеты продавались в меру хорошо, и он перешел в раздел «лав гаджет». *Давно ты сюда ничего нового не добавлял, Майкл. А что сюда еще нового добавишь. На любой вкус все есть: вибраторы с тройной стимуляцией, клиториальные «бабочки» с электронным управлением, наручники и зажимы для сосков, флогеры и анальные пробки со стразами. Зашипандорил такую кому-нибудь в попу... сидишь и радуешься. Да ну, скучно. А помнишь, Анна Сергеевна тебе свое фото присылала с такой итуковиной. Да, удивительная женщина. Если бы у тебя не было Белки... Пришел бы ты так на прием... к терапевту... А она тебе давление измерила. А ее левая грудь случайно оказалась в твоей правой руке. Ну вот, стояк напал. А не надо нам этого. Нам надо поработать, чтобы было за что своей девочке сладкого купить. Вот давно ты ее не баловал. Она же тебе котлеты жарит. С вермишелью. Жарит иногда. А в больнице у нее сколько дел. Это ты дома сидишь, сайт юзаешь, монеты дзинькают. А она... Ей там чего только ни приходится делать. Люди по большей части – мерзкие существа. А у нее работа. Всем надо улыбаться, всем помочь. Да, хорошая она у тебя. Это да. Повезло тебе, Дуридому. А ты не ценишь.*

Цепляешься к ней. Фейсбук ее тебе не нравится, комменты дурацкие пидоров разных. Ну а что ей делать на дежурстве. С кем-нибудь и поболтала. Ну о чем можно с этими козлами болтать?! Видел ты их – фейковые красавицы со щетиной на роже. Так и норовят в чате склонить девушку к оральному сексу. А сами – гномы с волосатыми ушами, в жизни у них никого нет, так хоть на девочку на экране подروحить. На твою, блин, девочку?! Майкл, уймись, а то придется ехать к Анне Сергеевне давление мерить. А она... Тьфу, бл*дь, опять ты. Ты же Белку ни с кем не поймал. Ну еще только этого не хватало. А что б ты сделал. Да убил бы нараз. Своего Бельчонка? Ну а если она, сучка такая... Ну ты сдурел совсем?! Давай лучшие закурим. Ну давай.

Зажужжал телефон, и на экране появилось фото лукаво улыбающейся рыжеволосой девушки, во рту она держала трубочку и втягивала в себя коктейль – фото это он сделал в Шарме пару лет назад: у Белки был день рождения, они только что вернулись с маленького островка в бассейне, сидели на террасе отеля, и в стакане плавала его сперма; грудь его затопила жаркая радость.

– Привет, Мишунчик.

– Привет, маленькая.

– Встал уже?

– Ну ты что – работаю во всю ивановскую.

– А еда у тебя там есть?

– Не смотрел еще. А что.

– Я же сегодня дежурю. А вчера некогда было готовить.

– Да ерунда какая. Сварганим что-нибудь. Главное, чтобы ты не была голодной. Ночью.

– Мишка. Я после вчерашнего сытая совсем. Так ты меня классно поимел.

– Да? Класснее, чем всегда?

– Ты знаешь, мне всегда кажется, что последний раз – самый классный. А тебе?

– По-разному бывает. Бывает, что в голове засядет какая-нибудь идея... И если она потом реализуется...

– Ты что, новую игрушку у себя запустил? И хочешь на мне испробовать?

– Да нет пока. Так просто говорю.

– Так ты ничего и не хочешь?!

– Ты знаешь, я хочу, чтобы ты была дома, чтобы ругала меня за невынесенный мусор и разбросанные носки... а потом...

– Села на тебя сверху? И подушила тебя ляжками?

– Нууу... это всегда.

– Так тебе так честно нравится?

– Конечно. Мне нравится, когда ты буйная. Когда ты двигаешь бедрами и...

– Клитором в рот?

– Пагади. Мне нравится ощущать, как он у тебя набухает, выдвигается... Мне нравится открыть его, увидеть. И тронуть языком...

– А пососать?

– И пососать.

– Ой, Мишка... я...

– И чтобы ты была мокрая...

– Уууууу!

– И капала мне на лицо.

– Всё! Я кончила! Ох, как мне хорошо!

– Вот и умничка.

– Господи, ну что такое со мной делается! Звонила же просто поговорить про еду. И не хотелось ничего. А тут...

– Так это же замечательно.

– Ты меня любишь?

– Да, маленькая.

– Целую вас обоих. Взасос.

Михаил закурил новую сигарету и откинулся на спинку стула. *Почему тебя так радует, когда она кончает? Ты же не кончил. А в душе полное удовлетворение. Хоть и стояк дубовый. Тебе даже больше нравится, когда она, а не ты. Наверно, это какая-то первобытная природная гордость: самка тебя хочет, значит и ты крутой самец. И, значит, она придет к тебе снова. Вот она сейчас кончила просто от твоих слов. Потому что представила, как ты это делаешь. И это не просто сексуальное действие. Это сексуальная зависимость друг от друга. А любовь? И любовь. Курица там первая или яйцо... Какая к черту разница. Вам хорошо друг с другом. Да. Ладно, Майкл, давай еще поработаем.*

Сайт подзинькивал онлайн уведомлениями о продажах, Михаил перешел в подраздел «sexy lingerie». Костюмы медсестер шли нарасхват, горничные, школьницы и Мальвины тоже продавались. *А давно ты к Семену не заходил.* Он открыл сайт своего оптового поставщика, походил туда-сюда, и остановился на новом костюме Catwoman. На фото стояла, обернувшись в три четверти, девушка на шпильках, на ней была черная шапочка с маленькими ушками и прорезями для глаз, одета она была в короткое черное кожаное платье, на спине которого был вырезан ромб – его нижний край слегка приоткрывал ягодицы; в правой руке она держала кожаный плетеный хлыст. *Ух, какая кошка! Хочу себе такую. Так, сделаем заказ... да и позвоним...*

– Сёмка, привет. Я там тебе заказ запулял. А костюм Кэтвумен у тебя сейчас есть? О, атлична. Заеду. А что еще нового? Кожаные наручники для рук и ног? Крестом? Это для сзади, что ли? Чтоб ноги были задраны? Ну может... А вставлять не будет мешать? В рот? Вечно ты все опошлишь. Да я шучу. Ладно, щас дозакажу.

Он оформил еще один заказ и отправил Белке фото Catwoman в вайбере.

«Как тебе платичко?»

Минут через пять пришел ответ.

«Прикольное. Только в нем же не пойдешь никуда – попа видна».

«А куда тебе ходить? Сиди дома».

«А кнут кому?»

«Кнут в хозяйстве всегда пригодится. Вдруг лошадка неровистая попадется».

«Или конюх ленивый:»).

«Целую в ромбик».

«Я тебя люблю».

Михаил удовлетворенно откинулся на стул и представил Белку в черном платье. *И крестом на руки и ноги? И в... Ой, хватит, сил нет. А что там у нас в холодильнике есть? Горчица есть. Оч хорошо. Поехали катнемся, Майкл. Да потом и к Семену заедем. Нет, надо сначала к Семену. Ладно.*

Через полтора часа он бродил по супермаркету и складывал в тележку сосиски, салями, ветчину, масло, кетчуп, оливки, яйца, помидоры и французский батон. *Смотри-ка, сливки взбитые в баллончике. Напиши так на одно место... Берем. А на завтра можно круассанов со сливочным кремом купить. А к кофе сливки нужны... Слушай, Майкл, у тебя первая стадия спермотоксикоза, что ли. Ну я же не виноват. Шоколад сливочный... Что за черт. Ладно, все берем.*

Дома он припарковал свой X5, нагрузился как верблюд и побрел к себе на четвертый этаж. На кухне пакеты были разгружены, сосиски отправлены в микроволновку, он включил чайник и закурил. *Эх, рубанем сейчас. С горчицей или кетчупом? Чили новый, надо попробовать. У, огонь. И батон как будто сегодня в Париже испекли. Ну чем тебе жизнь не малина, а? Малина и есть. Денежка капает, девочке сво-*

ей сладкого ты купил, работу поработал... Надо полежать чуток. Ну, святое дело.

Он заснул, и ему приснилось, что он в пустыне, горло высухло, першит и печет, а он бредет по барханам, палимый солнцем. Впереди показался оазис, он ускорил шаг, в кроссовки его набился песок, пот заливал глаза. Пальмы колыхались на том же месте в мареве раскаленного воздуха, силы его иссякали, он упал на песок, стал грести руками и ногами; солнце садилось. В голове его смутно маячил островок зелени на горизонте, он даже слышал журчание ручейка; он рванулся из последних сил, и яркая вспышка погасила его взор. Очнулся он от покачивания: голова его лежала на коленях Белки, она перебирала пальцами его вихры и тихонько пела какую-то песню. Спина ее мерно раскачивалась, обнаженная грудь наклонялась над его лицом, он старался поймать сосок губами...

Он вскинулся и осмотрелся вокруг: лежал он на диване, на стене висел парижский рисунок Белки в виде Эсмеральды, обнаженное бедро ее было выставлено вперед, голова закинута назад, рыжие волосы развевал ветер – она танцевала. Горло его першило, страшно хотелось пить, в паху полыхал факел эрекции. Он кинулся на кухню, вылебал всю кружку холодного чая, сел на стул и закурил. За окном вечерело, он включил ноутбук и добавил новые товары к себе на сайт, потом позвонил Сердюкову, отвечавшему за доставку, разузнавал как дела, пообещал открутить хвост, если будут жало-

бы от клиентов, и дал отбой; загрузил фейсбук и ВК, надеясь поболтать с Белкой, но в сети ее не было. Он написал ей «всех человеков починила?» и отправился в гостиную. Там он упал на диван, включил тюнер и телевизор и стал ходить по порноканалам. Охи и ахи были крайне ненатуральные и вызывали раздражение вместо возбуждения. На «Хастлере» его внимание привлек фильм, где две сочные девки на кровати весело поливали друг друга молоком из огромной бутылки с соской, одеты они были в какое-то подобие детских распашонок, но задницы и сиськи у них были совсем не детские. *Господи, чего только люди не придумают. Для кого-то же это снято, в космос запущен спутник, и оттуда вся эта дурня идет на весь мир. Свихнувшийся мир. Больные люди. Да ладно тебе. Ты-то вполне здоров со своими задвигами? Ну а что я. Ну люблю наручниками Белку к кровати пристегнуть, это да. Так это дает тебе ощущение, что она от тебя никуда не денется. Помнишь, она купила в Каннах кожаный ошейник с сердечком, а ключ отдала тебе. Вот ты радовался. Ну отдала. Все так. Но вот она не отвечает, а в тебе поднимается тревога. Вечер. И что она там на своем дежурстве делает? В сети ее нет, хотя обычно она там висит. Пошли лучшие покурим.*

На кухне он закурил и глянул в экран ноутбука – ответа не было. *И сигарета горькая какая-то. Надо чаю попить. Есть неохота. Пошли на девок смотреть. Ну пошли.*

В телевизоре стояла «гильотина» с горизонтальной пере-

кладиной, в которую были заключены голова и руки обнаженной женщины, согнутой буквой Г, другая женщина, в высоких черных ботфортах, охаживала ее задницу флогером. Ну, в этом хоть какой-то смысл есть, хоть и дурацкий. Но здесь она хоть натурально охает – кожа вон покраснела вся. Сюжета никакого. Сделали бы что-то типа не ходи Красная Шапочка к Серому Волку, а то выпорю тебя как бл*дскую сидорову козу. А она все равно пошла. Ибо зов природы не победить. Хоть с волком, хоть с кем. Хоть с козлом. А если у тебя уже есть свой баран? Ну есть. Но он в командировке. А лес рядом, Волк – красавчик со щетиной. Да, так вот все и начинается: сидела девушка скучала. Нет сообщений? Нет. Надо покурить.

На кухне он опять уставился в экран ноутбука: новые наручники уже продались три раза; глаза его косили на страницу фейсбука в надежде увидеть единичку уведомления. В сети нет. И чай остыл. И сахар ты забыл положить. Да что ты, блин! Возьми и позвони. «Абонент временно недоступен». Ну твою ж мать! С Вячеслав Ивановичем там развлекаются. У него в кабинете. На диване. Стой, Майкл. Она же твой любимый Бельчонок. Может, на больницу напали террористы? Белку захватили в плен... надели наручники... Тьфу, ты, блин морской, дались тебе эти наручники. Ну что ты нудишь сидишь. Ехать двадцать минут. А нож брать? Да в жопу. Поехали.

Он глотнул чая, сходил отлить, распахал по карманам си-

гареты, бумажник, телефон и ключи и вышел из квартиры. Верный конь его негромко квакнул сигнализацией, Михаил уселся за руль и завел мотор. «Куда едем, хозяин?» «А то ты сам не знаешь. Давай дуй быстрее». Вечер уже вступил в свои права, машин было мало, светофоры мигали желтым, он курил и выдувал дым в окно.

Стоянка перед больницей была пуста, только красный «Мустанг» Белки одиноко стоял в углу. Фасад трехэтажной сталинки молчал темными окнами, но он сразу заметил, что в крайнем левом на первом этаже горит свет. *Ну, и чего не брать трубу. Вход закрыт уже, надо с тыла.* Какой-то червяк засверлил у него в груди. *Или посмотреть сначала? Ну давай.*

Михаил прошел до левого края здания, уцепился за подоконник, стал на приступку и заглянул в окно. Белка в белом халате сидела на стуле рядом с офисным диванчиком, на котором, с трудом поместясь, разлегся грузный мужчина. Он лежал на боку, на нем была рубашка и брюки, Белка склонилась над ним, губы ее шевелились. *Больной, что ли? Плохо стало человеку, а ты... развел тут... террористов.* Тут Михаил заметил еще один стул, на нем висел мужской пиджак, а сверху галстук и брючный ремень. *А чего это он ремень снял?!* Он вперил взгляд в мужчину, был тот почти лыс, на лице его не было заметно и тени страдания, даже наоборот, глаза его лучились удовольствием. *Странный, бл*дь, больной.* И тут его ударила молния: он вдруг увидел,

что мужчина на диванчике держит во рту и сосет детскую соску на голубой ленточке и что мужчина этот – мэр их родного Мухосранска. От неожиданности Михаил отпустил руки и рухнул вниз, приземлился на носки, встал и побрел, не глядя, за угол здания. Там он присел на корточки, достал сигарету и закурил.

*Что ж за х*йня такая творится, товарищ майор? Куски увиденного в кабинете калейдоскопом вертелись у него в мозгу. Его поразила избирательность человеческого зрения и памяти. Ент, да на столе ж у нее букет стоит здоровенный! И куда ты смотрел? На ее халат? Пуговицы считал? А соску как ты сразу не заметил? Зиппер взглядом проверял? Успокоился? Больной? Обрадовался даже. Какой же ты дурак. Она же весь вечер на юбилее города с ним пробыла. Он ее потом Королевой объявил. Куда уж там на сообщения тебе отвечать. И щас будет врать что-нибудь про субсидии для больницы... помощь детям... Мать Тереза. Так, хватит. Ты Одинокий Бизон из племени команчей или фуцик мухосранский? Да, теперь уже одинокий. Даже говорить с ней не хочу. Поедем, упакуем ее вещи, пусть возвращается к матери. Щас покурим и поедем.*

Он закурил и выглянул из-за угла здания. По боковой дорожке с правой стороны больницы выезжал огромный черный джип «Линкольн». Ага, насосался уже. И не боится на служебной машине приезжать, сволочь. Хотя... больница... И нет уже никого. Заехал давление померить. Что-то у те-

бя в висках бамкает, Майкл. Может и себе...? Нет, надо ей сказать, поставить точку, не носить на душе наковальню. Идем.

Михаил обошел здание, служебный вход был открыт, на вахте сидела бабушка-божий одуванчик.

– Закрыто уже. Нет никого.

– Никого? А вот мы проверим.

– Да Вы кто?! Я полицию щас вызову.

– Я из полиции и есть. Датчик сигнализации у вас мигает на первом этаже. Проверить надо. Может у вас там... террористы.

– Да типун Вам на язык! Проверяйте скорей.

Он поднялся по ступенькам, повернул направо и устремился в конец коридора; под дверью кабинета Белки видна была полоска света. Он рванул ручку и вскочил в кабинет.

– Миша! Ты как тут?!!!

– Не ждали?

– Ннн... нет.

– Ну а я вот звонил тебе, писал. Решил заехать. Проверить. Не украли ли тебя пираты.

– Ну что ты такое говоришь. Ну кому я нужна. Сижу себе, к сессии готовлюсь.

– Да, телефон выключила. И по полной программе.

– Мишунчик, чего ты какой-то взлохмаченный. Иди ко мне.

– А ты чего такая красная?

– Я? Жара ужасная. Духота. Пустыня прямо.

– Дааа, и в пустыне растут вот такие букеты.

– Ах, это? Да понимаешь...

– Белка. Я все понимаю. Занесу твои вещи к маме. И вперёд.

– Ты что, с ума сошел?!

– Сошел. И давно. Теперь вернусь. Прощай.

– Мишка!!! Стой! Не уходи!

– Ты что-то хочешь мне сказать?

– Ну что ты. Ничего же не было. Ну успокойся. Ты мой хороший, мой родной...

– Не было?! Никого тут только что не было?!

– Тут... было... был... Но это совсем не то, что ты думаешь!

– А откуда ты знаешь, что я думаю?

– Ну я же тебя знаю, как облупленного. Я только не могу понять – ты сейчас больше на быка похож или на матадора. Давай посидим, я чаю сделаю, ты успокоишься...

– Я?! Успокоюсь?! Да ты сдурела совсем!!!

Михаил сделал резкий шаг вперед, нагнулся вправо, левой рукой обхватил девушку за талию, согнул пополам, правой рукой задрал белый халат и влупил ей по заднице от всей души. Белка взвизгнула, затрепыхалась, вывернулась и повесилась ему на шею.

– Ну побей меня, если хочешь. Но клянусь тебе, ты все себе придумал! Ты мой любимый Дуридом, мой Отелло...

– Да?! И букет придумал?! Вот он, придуматый, стоит.

– Ну букет. Ну стоит. У тебя вот тоже стоит. Давай, Мишунчик, доставай его. Я его пососу... ты кончишь мне в ротик... и все будет хорошо.

– Ничего уже не будет хорошо. Курить хочу, умру просто щас. Подымлю в окно. А то кондрашка хватит.

Михаил подошел к окну и закурил, а Белка обняла его сзади за плечи, гладила его грудь, опустила ладони вниз и тихонько шевелила пальцами у него в паху.

– Ты мой родной, мой единственный...

– Единственный?! А кто это у тебя сейчас был.

– Ну мэр был. Наш.

– Ваш. Так вот запросто заехал после работы. С цветами. Чаю попить. И на диване поваляться.

– А ты откуда...

– От верблюда. Вахтерша рассказала. Она за вами в замочную скважину наблюдала.

– Да ты что!!! Правда?!

– Испугалась? Есть чего?

– Есть.

– Ну, с меня хватит. Избавь меня от подробностей твоей интимной жизни со старыми козлами. Совсем мне это не интересно.

– Миша, он глубоко несчастный человек.

– Ну понятно. А ты мать Тереза. И еще клятва Гиппократа... Ничего нового. В этом лучшем из гребаных миров.

– Ну сядь пожалуйста.

– Да не могу я, бл*дь, сидеть! У меня адреналин из ушей бьет! Ты что, не видишь?!

– Сейчас, мой хороший. Иди сюда. Садись. Сейчас.

Белка подошла к шкафчику, достала коричневый пузырек, накапала в стакан, потом добавила из другого пузырька, долила воды из чайника, устроилась рядом с Михаилом на диванчике и протянула ему стакан.

– Выпей. Сейчас все пройдет.

– Да ничего не пройдет!

– Выпей. А я тебе все расскажу. И ты успокоишься, а я...

Михаил выпил жидкость одним глотком, поморщился и откинулся на спинку диванчика.

– Он мне звонил пару раз, а я тебе не сказала. Прости.

– Мэр. Тебе. Медсестре. О субсидии поболтать?

– Нет. Просто ни о чем. Всего-то два раза. А сегодня позвонил, сказал, что ему очень нужно со мной повидаться. И приехал вечером.

– А ты тут вся такая в черном белье под белым халатом.

– Ну дослушай. Людям очень часто не только трах нужен. Они хотят... просто чтобы их выслушали, поняли.

– И что же ты поняла про этого извращенца?

– Он много говорил. О себе. Рассказывал о детстве. Его растила одна мать. Отец ушел. Мать была женщиной суровой, ожесточенной жизнью. Она его била. А ему нужна была любовь. Как всем.

– Так ты теперь будешь его мамочка?

– Ну подожди. Есть такое слово – эмпатия. Мне его было жалко.

– Пожалела-приголубила? За конец потрогала?

– Мишка! Дай договорить!

– Ну говори. Только я все равно узнаю, если ты мне со-
врешь.

– Мы в институте проходили... такое есть понятие – ка-
тарсис. Он излечивает многие психические травмы. Через
повтор травматической ситуации.

– Ну я понял все. Аристотель придумал.

– Ничего ты не понял. Мы долго так говорили... и он по-
том меня попросил...

– Подрочить? Отсосать?

– Побить его.

– Побить?!!!

– Да, ремнем. И говорить при этом «Жорик плохой маль-
чик!»

– Ну твою ж мать! Так он еще и Жорик! И ты побила?!

– Да. Ну... пару раз так...

– А потом?

– А потом... ты знаешь, я сама обалдела совсем... он до-
стал из кармана соску... и стал ее сосать... Я тогда поняла
все и стала ему говорить «Жорик хороший мальчик. Мама
его любит, мама его всегда любила».

– И все?

– Нет. Я его погладила по голове. А он расплылся в улыбке так... расслабился...

– Кончил? Честно.

– Ну я не знаю. Не думаю. Но ему стало хорошо. Из него это ушло. Он мне потом руки целовал...

– Ага. А еще что? Ноги?

– Миша. Для меня это был медицинский эксперимент. Я была врачом. Понимаешь? Ты можешь меня услышать?! Для меня это очень важно. Из книжки такого не поймешь.

– И всем врачам у вас тут руки целуют?

– Миша. Ну ты же читал Фрейда. Это называется «перенос». Когда пациент переносит все свои эмоции на врача.

– И тебе это понравилось.

– Не буду врать – это было очень волнительное ощущение. Не то, что он руки целовал, а то, что я смогла это сделать. Это же не аспирин дать. Или таблетку «от живота». Почему ты не хочешь меня понять?

– Так ты теперь психоаналитиком будешь? Чтоб перенос ощущать.

– Не знаю еще. Но это же медицина. Тут не только перенос бывает.

– О господи. Что еще?

– Ну вот был у меня случай... на практике... Мужчине надо было проверить проходимость канала... и я беру в руки его член... Ну не дергайся так! В перчатках... вставляю в него катетер... а он вдруг как заторчит!

– И кончил.

– Да не кончил! Что это у тебя одно на уме! Тебе катарсис срочно нужен. Давай его сюда... ну не упирайся... вот я его поцелую... ты мой любимый торчунчик... ну давай... не держи его... пусть он... Нет, ты весь напряженный. Не вызлился еще? Хочешь, я лошадкой встану?

– Становись.

Белка соскользнула на пол и уперлась руками в диван. Михаил глубоко вздохнул, стал на колени сзади нее, задрал ее халат, спустил трусики, пристроил член и резко двинул его вперед. Девушка охнула, обернулась и посмотрела ему в глаза.

– Давай.

Михаил ухватил правой рукой волосы девушки, намотал в кулак, потянул на себя, левой рукой расстегнул на халате верхние пуговицы, нашел груди, сжал их и стал таскать соски вниз. Белка стонала, выгибала спину, скребла ногтями по дермати́ну дивана, двигала бедрами назад, потом вдруг замерла, напряглась вся, он отпустил ее волосы и лясну́л ладонью по попе, а левой рукой быстро сжал ее клитор. Девушка закричала, дернулась вперед, но он опять поймал ее за волосы, двигался в ней мощно и ровно, она билась под ним, стонала и матляла головой, брыкалась, пока он не почувствовал сейсмо́толчки, тогда он вышел из нее, и бешеная горячая струя ударила ей спину. Он отвалился в сторону, прислонился к дивану, Белка сидела рядом, оба они тяжело дышали,

совершенно обессиленные.

– Ну как, помогло?

– Да. А что это ты в стакан накапала?

– Да я не про это! Вот ты Дуридом у меня!

– Да, не повезло тебе.

– Да мне больше всех на свете повезло!

– Ну да. А мэр как же?

– Да с мэром уже все! Это же была не интрижка.

– Нет?

– Это была психотерапия.

– С катетером?

– Мишка. Сковородки на тебя нет. Устала я.

– От меня?

– Ну а кто меня щас так вздрючил?!

– Хорошо?

– Ух и хорошо. Умереть не встать.

– У тебя теперь халат спермой будет пахнуть.

– Ну и пусть. Я буду думать, что ты со мной. Ты меня не бросишь? Ты, правда, вещи мои собрал?

– Нет. Решил сначала попрощаться.

– Не жалко тебе?

– Жалко. Но такая ты у меня сучка бесхвостая. Хоть и Белка. Не могла написать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.